

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(Первая Секция)

Дело «Алихаджиева (Alikhadzhiyeva) против Российской Федерации»¹

(Жалоба № 68007/01)

Постановление Суда

Страсбург, 5 июля 2007 г.

По делу «Алихаджиева против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты*,

Л. Лукаидеса,

Н. Ваич,

А. Ковлера,

Х. Гаджиева,

Д. Шпильманна,

С.Е. Йебенса *судей*,

а также при участии С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 14 июня 2007 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 68007/01, поданной против властей Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Российской Федерации Зурой Чииевной Алихаджиевой (далее – заявительница) 23 марта 2001 г.

2. Интересы заявительницы представляли юристы неправительственной правозащитной организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (NGO EHRAC/Memorial Human Rights Centre) (далее – организация

¹ Перевод текста постановления предоставлен редакцией Бюллетеня Европейского Суда по правам человека. Текст опубликован в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 3/2008.

«Мемориал»). Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявительница утверждала, что ее сын исчез, после того как был задержан российскими военнослужащими в Чечне в мае 2000 г. Заявительница ссылалась на статьи 2, 3, 5 и 13 Конвенции.

4. Решением от 8 декабря 2005 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу.

5. После того как, проконсультировавшись со сторонами, Палата приняла решение, что не было необходимости в проведении устных слушаний (пункт 3 правила 59 Регламента Суда *in fine*²), стороны в письменной форме ответили на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница родилась в 1950 году и проживает в г. Шали, Чеченская Республика.

7. Доводы сторон кратко изложены ниже в разделе «А». Представленные сторонами материалы, в частности, материалы уголовного дела, представленные властями Российской Федерации, перечислены ниже в разделе «В».

А. Доводы сторон

1. Обстоятельства задержания сына заявительницы

8. Заявительница проживает в г. Шали, расположенном в 40 километрах к юго-востоку от г. Грозного, в доме по адресу: ул. Суворова, д. 97. Ее сын, Руслан Алихаджиев, родился в 1961 году, проживал по тому же адресу вместе с женой и несовершеннолетними детьми. По этому же адресу проживали и другие родственники семьи.

9. С 1997 по 1999 годы сына заявительницы, Руслан Алихаджиев, являлся спикером Парламента Чеченской Республики («Парламент Чеченской Республики Ичкерия»). Заявительница утверждала, что в 1999 году, после возобновления боевых действий, ее сын не принимал в них участия и пытался организовать мирные переговоры.

10. 17 мая 2000 г. Руслан Алихаджиев был дома с заявительницей, которая болела. Примерно в 11 часов 15 минут утра к дому прибыли несколько

² *In fine* (лат.) – в конце (прим. переводчика).

бронетранспортеров Вооруженных Сил Российской Федерации. Примерно 20 военнослужащих в камуфлированной форме окружили дом и соседние здания, в то время как над районом кружили два вертолета. Мужчины в масках и камуфлированной форме вошли в дом заявительницы и приказали всем лечь на пол лицом вниз. После этого они надели наручники на сына заявительницы и насильно посадили его в бронетранспортер. Во время задержания никаких документов предъявлено не было, основания задержания не сообщались.

11. Вместе с Русланом Алихаджиевым из соседних домов забрали еще пять человек: трех мужчин из семьи Д., проживавшей по адресу: ул. Суворова, д. 88, Б., который пришел починить машину в дом Д., и М., проживавшего по адресу: ул. Суворова, д. 98. На следующий день эти пять человек были освобождены и рассказали заявительнице, что произошло после задержания.

12. Указанные лица в письменной форме сообщили, что сначала четырех из них поместили в один бронетранспортер, вместе с Русланом Алихаджиевым, в то время как М. был во втором бронетранспортере. Им завязали глаза, а Руслану Алихаджиеву на голову одели черный мешок. Бронетранспортеры поехали в направлении г. Грозного.

13. Как только они проехали с. Гременчук, они остановились, и М. пересадили в бронетранспортер к остальным пятерым мужчинам. Задержанным запретили разговаривать. Через какое-то время Руслан Алихаджиев попросил военнослужащего в маске ослабить наручники, поскольку у него затекли руки, однако ему было отказано. Спустя некоторое время он повторил просьбу. Военнослужащий проверил в Руслана Алихаджиева руки, а также взял у него часы, документы и деньги из кармана. Через час или два они прибыли в какое-то место, где им приказали выйти.

14. Глаза у задержанных оставались завязанными. Их провели в какое-то помещение, расположенное в подвале. Там им приказали встать вдоль стены. Каждого ударили по голове металлическим прутом и приказали молчать. Трех из задержанных, но не Руслана Алихаджиева, вызывали по одному на допрос, который проходил вне камеры, в каком-то сарае. Допрос проводили несколько военнослужащих в масках и камуфлированной форме, которые себя не называли. Задержанным задавали одинаковые вопросы об их личности, о том, принимали ли они участие в боевых действиях, и знали ли Руслана Алихаджиева.

15. После допроса их отвели в другой подвал, где разрешили снять повязки с глаз. Пятерых соседей поместили в один подвал, но Руслана Алихаджиева с ними не было. Они провели ночь в подвале, а утром им снова завязали глаза, вывели на улицу и посадили в бронетранспортер. После примерно полуторачасовой поездки и приказали выйти и лечь на землю. Военнослужащие приказали им не двигаться 20 минут, иначе в них будут стрелять. Они слышали, как отъезжали бронетранспортеры, и через какое-то

время сняли повязки в глаз. Они оказались недалеко от дороги, ведущей из г. Шали в с. Автуры. Их подобрал проезжавший автомобиль, и они вернулись в г. Шали.

16. С 17 мая 2000 г. заявительница и члены семьи ничего не слышали о Руслане Алихаджиеве.

2. Последующее расследование

17. Незамедлительно после задержания Руслана Алихаджиева заявительница, ее второй сын и жена Руслана Алихаджиева начали его разыскивать. Неоднократно, как на личном приеме, как и в письменной форме, они обращались в прокуратуру различных уровней, в Министерство внутренних дел, к административным властям Чеченской Республики, специальному представителю Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике, в средства массовой информации и к общественным деятелям. Их усилия поддерживали несколько неправительственных организаций и общественных деятелей.

18. В своих письмах в органы государственной власти члены семьи сообщали обстоятельства задержания Руслана Алихаджиева и просили о помощи, а также сообщить им подробности расследования. Они также лично посещали места содержания под стражей и тюрьмы в Чеченской Республике и за ее пределами на Северном Кавказе.

19. Семья заявительницы не получила от органов государственной власти какой-либо существенной информации о расследовании по факту исчезновения Руслана Алихаджиева. Несколько раз им направлялись копии писем, в которых говорилось, что их просьбы направлялись в другие органы прокуратуры. Сначала должностные лица, вроде бы, подтверждали факт задержания Руслана Алихаджиева, однако после широкого освещения в средствах массовой информации слухов о смерти Руслана Алихаджиева в августа 2000 г. в следственном изоляторе, власти отрицали какую-либо причастность к его задержанию и содержанию под стражей.

20. 25 мая 2000 г. генерал-лейтенант Манилов, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, заявил на пресс-конференции, что были задержаны или убиты несколько командиров незаконных вооруженных формирований. Перечисляя имена, он сказал, что 20 мая 2000 г. был пойман Руслан Алихаджиев.

21. 1 июня 2000 г. государственное агентство новостей «РИА Новости» сообщило, что «в результате специальной операции сотрудники Федеральной службы безопасности (ФСБ) схватили одного из ближайших сподвижников Масхадова – Руслана Алихаджиева». Не называя источники информации, агентство сообщило, что Руслан Алихаджиев был задержан и допрошен в следственном изоляторе ФСБ в Чечне и дал показания о планах Масхадова.

22. 8 сентября 2000 г. в ответ на обращение адвоката, нанятого заявителем, следственный изолятор ФСБ в г. Москве сообщил, что Руслан Алихаджиев никогда там не содержался.

23. 21 сентября 2000 г. во время парламентских слушаний в Государственной Думе по ситуации в Чеченской Республике заместителю Генерального прокурора Российской Федерации, г-ну Бирюкову, был задан вопрос о местонахождении Руслана Алихаджиева. Он ответил, что в мае 2000 г. Руслана Алихаджиева похитили из дома в г. Шали группа неустановленных вооруженных лиц. Согласно оперативным данным, это были боевики, которые убили Руслана Алихаджиева в августе 2000 г.

24. 8 декабря 2000 г. прокурор Чеченской Республики ответил на запрос специального представителя Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике относительно ряда жалоб на исчезновения лиц. В письме сообщалось, что 7 июля 2000 г. прокуратура Шалинского района возбудила уголовное дело № 22025 по факту задержания неустановленными лицами в камуфляжной форме бывшего спикера Парламента Чеченской Республики Руслана Алихаджиева. Уголовное дело было возбуждено по статье 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека). Местонахождение Руслана Алихаджиева установлено не было. В письме утверждалось, что расследование находилось под особым контролем прокурора Чеченской Республики.

25. К письму от 8 декабря 2000 г. была приложена краткая справка по уголовному делу № 22025. В справке сообщалось, что уголовное дело было возбуждено 7 июля 2000 г. по статье 126 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе следствия было установлено, что 17 мая 2000 г. группа неустановленных лиц в камуфляжной форме прибыла на нескольких бронетранспортерах к дому семьи Алихаджиевых, ворвалась в дом и забрали Руслана Алихаджиева и еще нескольких человек, которые были в доме. На следующий день задержанные, кроме Руслана Алихаджиева, были освобождены, но они не смогли сообщить, где их содержали или где находился Руслан Алихаджиев. Следователи направили запросы в ФСБ и в Министерство внутренних дел. В ответ на запрос Шалинский районный временный отдел внутренних дел уведомил, что сотрудники отдела никогда не задерживали и не помещали под стражу Руслана Алихаджиева.

26. 24 февраля 2001 г. прокуратура Чеченской Республики направила организации «Мемориал» ответ на запрос о расследовании по ряду случаев об исчезновении лиц. Относительно Руслана Алихаджиева заместитель прокурора Чеченской Республики написал, что в ходе расследования уголовного дела № 22025 были направлены запросы в ФСБ, Министерство внутренних дел и Министерство обороны. Ни один из этих органов государственной власти не задерживал Руслана Алихаджиева, и расследование продолжалось.

27. В августе 2004 г. жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации, которым было предложено представить копию материалов уголовного дела № 22025. В ответном меморандуме власти Российской Федерации сообщили некоторые подробности расследования, не уточняя даты осуществления следственных действий. Однако они не представили копий документов, на которые ссылались. Власти Российской Федерации сообщили, что расследование еще не было завершено и что предоставление указанных материалов будет являться нарушением статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку в уголовном деле содержались сведения военного характера и личные данные свидетелей по делу. В то же время, власти Российской Федерации предложили, что делегация Европейского Суда могла получить доступ к материалам дела по месту проведения предварительного следствия, за исключением «документов, [содержащих сведения военного характера и личные данные свидетелей], и без права делать копии и передавать их третьим лицам».

28. В декабре 2005 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и повторил запрос о предоставлении документов. В ответ власти Российской Федерации представили подробную информацию о ходе следствия и документы из материалов уголовного дела (см. ниже раздел «В»).

29. Согласно этой информации, уголовное дело было возбуждено 27 июля 2000 г. (а не 7 июля, как указано выше) прокуратурой Шалинского района. Прокуратура установила, что 17 мая 2000 г. сын заявительницы был задержан в своем доме группой неустановленных лиц в масках и камуфлированной форме военнослужащих Российской Федерации при поддержке двух бронетранспортеров, автомобилей УАЗ и вертолетов. Было задержано еще пять человек, которых, предположительно, доставили либо в Аргунское зернохранилище или на мясоперерабатывающий завод. На следующий день указанных пятерых человек освободили.

30. Из информации, представленной властями Российской Федерации и некоторых документов из материалов уголовного дела следует, что в октябре 2000 г. сотрудники милиции допросили четырех из пятерых человек, которые были задержаны вместе с сыном заявительницы. Пятого допросили в марте 2001 г. По информации властей Российской Федерации, 17 марта 2001 г. заявительницу допросили и признали ее потерпевшей. Также 17 марта 2001 г. следователь допросил жену Руслана Алихаджиева в качестве свидетельницы. В сентябре 2001 г. допросили еще одного очевидца задержания Руслана Алихаджиева. Однако в представленных властями Российской Федерации копиях материалов нет ни одного протокола допроса свидетелей. Протоколы также не упомянуты и в описи материалов уголовного дела.

31. Различные следственные изоляторы, а также военные и правоохранительные органы отрицали, что имя Руслана Алихаджиев проходило по их учетным записям.

Расследование не установило местонахождение Руслана Алихаджиева и личности людей, похитивших его. По-видимому, не запрашивалась какая-либо отдельная информация о деталях спецоперации в г. Шали 17 мая 2000 г. Обвинение никому предъявлено не было. Между июлем 2000 г. и апрелем 2004 г. расследование приостанавливалось 11 раз. Заявительница была уведомлена о некоторых решениях о приостановлении и возобновлении производства по делу.

В. Документы, представленные властями Российской Федерации

32. Власти Российской Федерации представили около 90 документов (примерно 120 листов) из материалов уголовного дела № 22025 и перечень содержащихся в материалах дела документов. Кратко описать содержание документов можно следующим образом.

1. Постановление о возбуждении уголовного дела

33. 27 июля 2000 г. прокурор Шалинской районной прокуратуры возбудил уголовное дело по факту похищения Руслана Алихаджиева из его дома по адресу: ул. Суворова, 97, г. Шали, группой неустановленных лиц 27 мая 2000 г. примерно в 11 часов 15 минут. Постановление было основано на части второй статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека).

2. Информация от адвоката и членов семьи

34. 13 июня 2000 г. адвокат, нанятый заявительницей для представления интересов сына в рамках уголовного дела, потребовал от прокуратуры Чеченской Республики обеспечить ему доступ к Руслану Алихаджиеву и проверить законность его задержания. Адвокат ссыался на сведения от семьи Руслана Алихаджиева об обстоятельствах задержания, а также на новостной репортаж о задержании, который транслировался на телевизионном канале «ОРТ» 1 июня 2000 г. в 18 часов.

35. Следователь попытался допросить брата Руслана Алихаджиева Р., который не жил дома, но заявительница отказалась назвать местонахождение Р. В феврале 2004 г. следователь из Шалинской районной прокуратуры отметил, что «родственники и друзья Алихаджиева категорически отказались давать показания и объяснили, что устали общаться с правоохранительными органами снова и снова по одному и тому же вопросу».

3. Поиски Руслана Алихаджиева

36. Следствие пыталось получить сведения о Руслане Алихаджиеве из различных источников. Ряд правоохранительных органов и мест содержания под стражей в Чечне, на Северном Кавказе и в прилегающих регионах Российской Федерации, включая следственный изолятор ИЗ-20/2 в Чернокозово, отрицали, что когда-либо задерживали или содержали под стражей Руслана Алихаджиева. Они также отрицали, что проводили какие-либо «оперативные или розыскные меры» в отношении Руслана Алихаджиева или что ему когда-либо предъявлялось обвинение в совершении преступления.

37. 28 августа 2001 г. следствие потребовало от Шалинского временного отдела внутренних дел назвать подразделения, принимавшие участие в спецоперации по поимке Руслана Алихаджиева.

4. Показания свидетелей

38. 27 февраля 2001 г. сотрудники Шалинского временного отдела внутренних дел направили следователю прокуратуры копии свидетельских показаний, данных двумя мужчинами, задержанными вместе с Русланом Алихаджиевым, а также показаний заявительницы. Они также перечислили имена еще трех очевидцев задержания. Неясно, были ли эти лица допрошены, поскольку в представленных властями Российской Федерации материалах отсутствуют какие-либо из указанных показаний.

5. Сведения из средств массовой информации

39. В октябре 2001 г. следователь допросил журналиста из газеты «Московские новости», автора статьи «Зачистка», опубликованной 20 июня 2000 г. Журналист сообщил, что он получил информацию о задержании Руслана Алихаджиева сотрудниками спецслужб от чеченцев (имена названы не были) и адвоката Руслана Алихаджиева.

40. В феврале 2003 г. юридическая служба канала «ОРТ» сообщила следователю, что в новостном 18-часовом выпуске 1 июня 2000 г. не было репортажа о задержании Руслана Алихаджиева.

6. Постановления прокуроров

41. На разных этапах производства по делу вышестоящими прокурорами были изданы несколько постановлений, в которых перечислялись действия, подлежащие выполнению следователями. 23 октября 2000 г. прокурор прокуратуры Чеченской Республики отметил, что «расследование было неудовлетворительным... Фактически, следователь не осуществил процессуальных действий». Прокурор постановил, среди

прочего, составить план расследования, допросить жену Руслана Алихаджиева, повторно допросить других задержанных и принять меры к установлению места содержания их под стражей, установить других очевидцев событий и допросить их. Аналогичные указания поступили 20 февраля 2001 г.

42. 8 июля 2003 г. прокурор Шалинского района постановил провести полное расследование обстоятельств исчезновения Руслана Алихаджиева. В частности, следственный орган должен был получить ответы на информационные запросы и собрать сведения из правоохранительных органов о возможной причастности Руслана Алихаджиева к противоправной деятельности.

43. Расследование приостанавливалось и возобновлялось 11 раз. Последнее постановление о приостановлении производства по делу в связи с неустановлением виновных лиц было вынесено 29 апреля 2004 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

44. До 1 июля 2002 г. уголовно-правовые вопросы регулировались Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 года. С 1 июля 2002 г. старый кодекс был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК).

45. Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации запрещает разглашение данных предварительного расследования. Согласно части третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации данные предварительного расследования могут быть разглашены только с разрешения прокурора или следователя и только в той степени, в которой это не будет противоречить правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства и интересам предварительного расследования. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного производства без их согласия не допускается.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

А. Доводы сторон

46. Власти Российской Федерации просили Европейский Суд признать жалобу неприемлемой, поскольку заявительница не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты. Власти утверждали, что расследование по факту похищения продолжалось в соответствии с законодательством Российской Федерации. Заявительница не обратилась в суд с жалобой на действия органов следствия или на незаконное задержание ее сына. Власти Российской Федерации также ссылались на Конституцию Российской Федерации и другие правовые инструменты, которые позволяли частным лицам обжаловать в суд действия административных властей, нарушающие права граждан. Заявительница не обратилась в суд в Чечне или в иных регионах Северного Кавказа с какими-либо жалобами и, поэтому, не исчерпала доступные средства правовой защиты.

47. Заявительница не согласилась с замечаниями властей Российской Федерации. Прежде всего, она утверждала, что власти Российской Федерации не выполнили требование о том, что средство правовой защиты должно быть «эффективным, закрепленным в рассматриваемое время как в теории, так и на практике, быть доступным, способным обеспечить получение компенсации по жалобе заявителя и гарантировать разумную перспективу успеха жалобы» (она ссылалась на Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 30 августа 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, р. 1210, § 68). Заявительница утверждала, что ничто не указывало на то, что ей было бы доступно какое-либо средство правовой защиты, удовлетворявшее указанным критериям.

48. Заявительница также утверждала, что гражданские средства правовой защиты, на которые ссылались власти Российской Федерации, не могли помочь установить преступников в отсутствие результатов уголовного расследования. Заявительница считала остальные доводы властей Российской Федерации неправдоподобными и просила Европейский Суд отклонить предварительное возражение властей.

2. Мнение Европейского Суда

49. В данном деле Европейский Суд не принял на стадии приемлемости решения относительно исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, установив, что этот вопрос тесно связан с вопросом существования жалобы. Теперь Европейский Суд перейдет к рассмотрению доводов сторон в свете положений Конвенции и правоприменительной практики (см. из последних примеров Постановление Европейского Суда по делу «Эстамиров и другие против Российской Федерации» (*Estamirov and Others*) от 12 октября 2006 г., жалоба № 60272/00, § 73-74).

50. Европейский Суд отмечает, что правовая система Российской Федерации предоставляет, в принципе, два способа получения компенсации жертвами незаконным и уголовно-наказуемых действий со стороны государства или его должностных лиц, а именно гражданско-правовой и уголовно-правовой способы.

51. В том что касается гражданского иска о компенсации вреда, причиненного предполагаемыми незаконными действиями или противозаконным поведением представителей власти, Европейский Суд в ряде аналогичных случаев уже устанавливал, что эта процедура сама по себе не может считаться эффективным средством правовой защиты в контексте жалоб, поданных на основании статьи 2 Конвенции. Гражданский суд не может проводить независимое расследование и без результатов уголовного расследования не имеет возможности сделать каких-либо значимых выводов относительно личности лица, совершившего фатальное нападение, и еще менее способен установить ответственность такого лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хашиев и Акаева против Российской Федерации» (Khashiyev and Akayeva v. Russia) от 24 февраля 2005 г., жалобы № 57942/00 и 57945/00, § 119-121, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Эстамиров и другие против Российской Федерации» (Estamirov and Others v. Russia), § 77). В свете изложенного Европейский Суд полагает, что заявительница не была обязана прибегать к гражданско-правовым средствам защиты. Таким образом, в данной части предварительное возражение отклоняется.

52. В том что касается уголовно-правовых средств защиты, Европейский Суд отмечает, что заявительница подала жалобы в правоохранительные органы незамедлительно после задержания Руслана Алихаджиева и что расследование тянулось с июля 2000 г. Заявительница и власти Российской Федерации спорят между собой относительно эффективности этого расследования.

53. Европейский Суд полагает, что эта часть предварительных возражений властей Российской Федерации затрагивает вопросы эффективности уголовного расследования, которые тесно связаны с сутью жалобы заявительницы. Таким образом, Европейский Суд полагает, что эти вопросы должны быть рассмотрены ниже в соответствии с материально-правовыми положениями Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

54. Заявительница утверждала, что ее сын был незаконно убит представителями власти. На также утверждала, что власти Российской Федерации не провели надлежащего расследования обстоятельств задержания и смерти Руслана Алихаджиева. Заявительница ссылаясь на статью 2 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Предполагаемая неспособность защитить право Руслана Алихаджиева на жизнь

1. Доводы сторон

55. Заявительница утверждала, что не было никаких обоснованных сомнений в том, что 17 мая 2000 г. Руслана Алихаджиева задержали российские военнослужащие, которые затем лишили его жизни. В подтверждение своей жалобы заявительницы ссылались на следующие доказательства, которые не были оспорены властями Российской Федерации: показания очевидцев задержания ее сына военнослужащими в форме, которые использовали бронетранспортеры и вертолеты, показания мужчин, задержанных вместе с Русланом Алихаджиевым и допрошенных военнослужащими, и показания генерала-лейтенанта Манилова от 25 мая 2000 г. о задержании Руслана Алихаджиева федеральными вооруженными силами. По истечении почти шести лет никакой информации о месте нахождения Руслана Алихаджиева не получено. Заявительница утверждала, что ее сына необходимо считать умершим при обстоятельствах, ответственность за которые несут власти Российской Федерации. Она утверждала, что ситуации непризнанного содержания под стражей в Чечне должны рассматриваться как угрожающие жизни в контексте вооруженного конфликта в Чечне, который уже унес жизни тысяч человек. Она также ссылались на слухи о том, что ее сын был либо убит, либо умер во время нахождения под стражей.

56. Власти Российской Федерации утверждали, что отсутствовали неопровержимые доказательства, подтверждающие доводы заявительницы о том, что власти несли ответственность за задержание Руслана Алихаджиева или за его смерть. Личности людей, задержавших Руслана Алихаджиева, так и не были установлены. Многочисленные военные и правоохранительные органы сообщили, что они не располагали сведениями о задержании или месте нахождения Руслана Алихаджиева.

2. Мнение Европейского Суда

57. Европейский Суд отмечает, что он разработал ряд общих принципов, касающихся установления оспариваемых фактов, в частности когда речь идет об исчезновениях в свете статьи 2 Конвенции (краткое изложение принципов см. в Постановлении Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*) от 27 июля 2006 г., жалоба № 69481/01, §§ 103-109). В свете этих принципов Европейский Суд установит определенные ключевые элементы в данном деле, которые должны быть приняты во внимание при определении того, можно ли считать Руслана Алихаджиев умершим и можно ли ответственность за его смерть возложить на власти Российской Федерации.

58. Заявительница утверждала, что Руслан Алихаджиев был задержан военнослужащими во время спецоперации и был убит. В подтверждение она ссылалась на ряд фактических обстоятельств, ни одно из которых не было оспорено властями Российской Федерации. В частности, стороны не оспаривают, что Руслан Алихаджиев был задержан 17 мая 2000 г. в своем доме в г. Шали большой группой вооруженных мужчин в камуфлированной форме. Группа пользовалась как минимум двумя бронетранспортерами и другими автомобилями, такими как УАЗ, а также поддержкой вертолетов с воздуха. Также не оспаривается, что пять других мужчин, живших в соседних домах, были задержаны в то же время и впоследствии смогли сообщить подробности своего задержания. Задержанным завязали глаза, поместили в два бронетранспортера и отвезли в некое место, расположенное по соседству, где они в последний раз видели Руслана Алихаджиева. В этом месте их допросили люди в камуфлированной форме и масках. Задержанных просили назвать себя, спрашивали, принимали ли они участие в боевых действиях и знали ли Руслана Алихаджиева (см. выше § 14 и 15). Пять человек провели ночь в месте, куда их привезли, а на следующий день им снова завязали глаза, поместили в бронетранспортер и освободили в лесу недалеко от г. Аргуна.

59. Ни на одном из этапов рассмотрения дела власти Российской Федерации не предположили, что лица, задержавшие Руслана Алихаджиева и еще пятерых человек, были бы членами незаконных вооруженных формирований, а в представленных Европейскому Суду материалах нет сведений, подтверждающих такую версию. Наоборот, тот факт, что большая группа вооруженных людей в форме, имеющая в своем распоряжении военные автомобили и вертолеты, проследовала в середине дня, чтобы задержать несколько человек в черте города в их собственных домах, явно подтверждает довод заявительницы о том, что это были военнослужащие федеральных Вооруженных Сил. Хотя конкретные подразделения специальных или военных сил, которые провели операцию, так и не были установлены, объяснения задержанных лиц относительно их задержания, допросов и освобождения подкрепляют этот вывод. По-

видимому, сначала факт задержания Руслана Алихаджиева не оспаривался, и родственники Руслана Алихаджиева наняли адвоката, который бы представлял интересы задержанного в рамках уголовного дела. Европейский Суд также отмечает, что сведения о задержании представителями сил безопасности Руслана Алихаджиева, который был известной публичной фигурой, были распространены средствами массовой информации со ссылками на официальные источники (см. выше § 20 и 21). Органы следствия также приняли к сведению эти предположения и продолжили проверку причастности правоохранных органов к задержанию Руслана Алихаджиева. Поэтому, Европейский Суд полагает установленным, что 17 мая 2000 г. Руслан Алихаджиев был задержан во время операции, проводимой в г. Шали представителями государственной власти.

60. С 17 мая 2000 г. каких-либо достоверных сведений о Руслане Алихаджиеве не поступало. Его имя не было обнаружено в регистрационных журналах ни в одном из мест содержания под стражей. В заключение, власти Российской Федерации не представили убедительных объяснений тому, что произошло с Русланом Алихаджиевым после его задержания.

61. Европейский Суд с большим сожалением отмечает, что ряд рассмотренных им дел заставляют предположить, что феномен «исчезновений» достаточно распространен в Чечне (см., например, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*), Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации» (*Imakayeva v. Russia*), жалоба № 7615/02, *ECtHR* 2006-..., и Постановление Европейского Суда по делу «Лулуев и другие против Российской Федерации» (*Luluyev and Others v. Russia*), жалоба № 69480/01, *ECtHR* 2006-...). Ряд докладов международных организаций указывает на этот же вывод. Европейский Суд согласен с заявительницей, что в контексте вооруженного конфликта в Чечне в случае задержания лица неустановленными военнослужащими без последующего признания факта задержания, эту ситуацию можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие Руслана Алихаджиева или каких-либо сведений о нем в течение более чем шести лет подтверждает это предположение. Более того, позиция органов прокуратуры и иных правоохранных органов, после того как заявительница сообщила им о задержании сына, существенным образом сказала на вероятности исчезновения Руслана Алихаджиева, поскольку никаких необходимых мер не было предпринято в решающие первые дни или недели после задержания. Поведение властей в свете обоснованных жалоб заявительницы дает основания серьезно подозревать как минимум пассивное признание ситуации и вызывает сильные сомнения в объективности следствия.

62. На основании изложенного Европейский Суд полагает, что вне всяких разумных сомнений установлено, что Руслана Алихаджиева следует полагать умершим

после его непризнанного задержания государственными военными служащими. Следовательно, речь идет об ответственности властей Российской Федерации. Поскольку власти не привели ни одного основания в оправдание применения силы своими представителями, следовательно власти Российской Федерации несут ответственность за предполагаемую смерть Руслана Алихаджиева.

63. Таким образом, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Руслана Алихаджиева.

В. Предполагаемый ненадлежащий характер расследования по факту похищения

1. Доводы сторон

64. Заявительница утверждала, что власти Российской Федерации не провели эффективного расследования обстоятельств задержания и исчезновения Руслана Алихаджиева в нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции. Заявительница утверждала, что расследование не отвечало стандартам, закрепленным Конвенцией и законодательством Российской Федерации. Из-за задержки с возбуждением уголовного дела и принятием важных мер она настаивала, что расследование не было незамедлительным. Ссылаясь на доводы властей Российской Федерации, она утверждала, что, по-видимому, так и не были осуществлены значимые меры, такие как исследование регистрационных документов мест содержания под стражей и планов оперативных действий, установление и допрос лиц, задержавших Руслана Алихаджиева, и осмотр предполагаемого места содержания под стражей. Власти систематически не информировали ее о ходе расследования и она не имела сведений о важных процессуальных действиях. Непредоставление властями Российской Федерации полных материалов расследования как самой заявительнице, так и Европейскому Суду, служило, по мнению заявительницы, дополнительным доказательством неэффективности расследования.

65. Власти Российской Федерации ответили, что расследование было проведено в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и стандартами Конвенции. Они утверждали, что заявительница была признана потерпевшей, ее интересы представлял адвокат и она имела все возможности эффективно участвовать в расследовании.

2. Мнение Европейского Суда

66. Европейский Суд неоднократно устанавливал, что обязанность по защите права на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции также подразумевает требование того, что в случае насильственной смерти лица должно в какой-либо форме

проводиться эффективное официальное расследование (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*), §§ 117 – 119).

67. В данном деле расследование проводилось по факту похищения и последующего убийства сына заявительницы. Европейский Суд должен оценить, отвечало ли расследование требованиям статьи 2 Конвенции.

68. Сначала Европейский Суд отмечает, что власти были незамедлительно уведомлены о задержании Руслана Алихаджиева, поскольку заявительница и другие члены семьи лично посетили правоохранительные органы после 17 мая 2000 г. и сообщили необходимые сведения. Несмотря на заявления и отсутствие сведений о предполагаемом задержании Руслана Алихаджиева, уголовное дело не было возбуждено вплоть до 27 июля 2000 г., более чем через два месяца после задержания.

69. После начала расследования оно изобиловало необъяснимыми задержками в осуществлении самых существенных задач. По-видимому, заявительницу и других членов семьи, которые были очевидцами задержания, не допрашивали до марта 2001 г. Заявительница была признана потерпевшей только в марте 2001 г. Соседи, задержанные вместе с Русланом Алихаджиевым, были допрошены в октябре 2000 г. и марте 2001 г. Попытка установить подразделения, принимавшие участие в операции по задержанию, была сделана в августе 2001 г.

70. Такие задержки сами по себе скомпрометировали эффективность расследования и не могли не сказаться негативно на перспективе установления истины по делу. Соглашаясь, что эти задержки могут быть в части объяснены исключительными обстоятельствами, имевшими место в Чечне в рассматриваемое время, Европейский Суд полагает, что в данном деле они явно превысили любые приемлемые ограничения эффективности, которые были бы допустимы при расследовании такого вида преступления как похищение человека, когда решающие действия должны быть предприняты в течение дней и недель незамедлительно после события преступления.

71. По-видимому, другие важные следственные действия так и не были осуществлены. Следователи не допросили местную администрацию, военнослужащих и сотрудников милиции об операции, проводимой в г. Шали 17 мая 2000 г. Не были предприняты никаких реальных усилий для того, чтобы установить военные подразделения, принимавшие участие в операции. Следователи не предприняли никаких шагов с целью установления места, куда отвезли задержанных лиц, и подразделений, которые могли бы этим местом воспользоваться. По-видимому, никаких вопросов не было задано относительно заявления высокопоставленного военнослужащего на пресс конференции 25 мая 2000 г. о поимке Руслана Алихаджиева.

72. В заключение, относительно способа проведения расследования Европейский Суд отмечает, что на протяжении менее чем четырех лет расследование приостанавливалось и возобновлялось как минимум 11 раз. Заявительница, несмотря на ее процессуальный статус, не была должным образом проинформирована о ходе следствия. Единственная информация, которая время от времени доходила до нее, касалась приостановления и возобновления производства по делу. Некоторые из этих недостатков были очевидны надзирающим прокурорам, которые неоднократно критиковали расследование и указывали на необходимость осуществления определенных действий. Однако, по-видимому, эти указания либо игнорировались, либо выполнялись после недопустимых задержек.

73. В свете изложенного Европейский Суд полагает, что власти Российской Федерации не провели эффективного расследования обстоятельств исчезновения и предполагаемой смерти Руслана Алихаджиева. Следовательно, Европейский Суд отклоняет предварительное возражение властей Российской Федерации относительно неисчерпания заявительницей внутригосударственных средств правовой защиты в контексте уголовного расследования и постановляет, что в этом отношении также имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

74. Заявительница утверждала, что ее сын подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в связи с известными обстоятельствами его задержания и что власти не провели эффективного расследования по этой жалобе. Ссылаясь на устоявшуюся правоприменительную практику Европейского Суда, заявительница утверждала, что стала жертвой обращения, попадающего под действие статьи 3 Конвенции, вследствие страданий и эмоциональных переживаний, которые были ей причинены в результате исчезновения ее сына и реакции властей на ее жалобы. Она ссылалась на статью 3 Конвенции, в которой закреплено следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

75. Власти Российской Федерации утверждали, что в ходе расследования, проведенного в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, не было получено сведений, подтверждавших утверждение о том, что сын заявительницы подвергся обращению, нарушавшему статью 3 Конвенции. Представители органов государственной власти подробно ответили на все письма заявительницы, и ничто не подтверждает жалобу заявительницы о нарушении статьи 3 Конвенции в отношении ее самой.

А. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении Руслана Алихаджиева

76. Заявительница утверждала, что имело место нарушение материальной и процессуальной составляющих статьи 3 Конвенции в отношении ее сына. Европейский Суд повторяет, что утверждение о жестоком обращении должно быть подкреплено соответствующими доказательствами. Для оценки этих доказательств Европейский Суд принял стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», но добавляет, что такие доказательства могут вытекать из совокупности достаточно четких, ясных и последовательных выводов или аналогичных неопровержимых презумпций фактов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, p. 64-65, § 161 и последующие).

77. Европейский Суд установил, что сын заявительницы был задержан 17 мая 2000 г. представителями государственной власти, и с тех пор о нем не поступало достоверной информации. Европейский Суд также предположил, что, ввиду известных фактов, можно предположить, что Руслан Алихаджиев мертв и что ответственность за его смерть лежит на властях Российской Федерации (см. выше § 57-63). Однако обстоятельства его смерти и тот факт, подвергался ли Руслан Алихаджиев жестокому обращению, не были установлены. Показания, представленные заявительницей, не содержат достаточно информации в поддержку утверждения о том, что после задержания Руслан Алихаджиев подвергался жестокому обращению.

78. Поскольку имеющаяся в его распоряжении информация не позволяет Европейскому Суду установить вне всякого разумного сомнения, что сын заявительницы подвергся жестокому обращению, Европейский Суд не может сделать вывод, что в этом отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

79. В отсутствие достоверной информации о предполагаемом жестоком обращении или об обстоятельствах смерти Руслана Алихаджиева Европейский Суд не усматривает оснований делать отдельный вывод о возможном нарушении статьи 3 Конвенции в связи с предполагаемыми недостатками следствия, поскольку он уже исследовал этот вопрос в рамках рассмотрения процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции (см. выше) и статьи 13 Конвенции (см. ниже).

В. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы

80. Европейский Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, будет

зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям заявительницы степень и характер, отличающие их от неизбежных переживаний родственников лиц, ставших жертвами серьезного нарушения прав человека. К соответствующим элементам относятся близость семейных связей, особые обстоятельства взаимоотношений, объем событий, очевидцем которых был родственник жертвы, участие членов семьи в попытках получения информации об исчезнувших лицах и способ, которым власти отвечали на эти запросы. Европейский Суд также подчеркивает, что суть такого нарушения не обязательно заключается в факте «исчезновения» члена семьи заявителя, а, скорее, касается реакции властей и их отношения к ситуации, представленной на их рассмотрение. Особенно в отношении последних указанных обстоятельств родственник [исчезнувшего лица] может прямо заявлять, что он является жертвой действий властей государства-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (Orhan v. Turkey) от 18 июня 2002 г., жалоба № 25656/94, § 358).

81. В данном деле Европейский Суд отмечает, что заявительница является матерью исчезнувшего лица – Руслана Алихаджиева. Она была очевидицей его задержания. На протяжении более шести лет она не получала сведений о Руслане Алихаджиеве. В течение этого времени заявительница обращалась, лично и в письменной форме, в различные органы государственной власти в запросами относительно ее сына. Несмотря на ее попытки, она так и не получила правдоподобного объяснения или сведений о том, что стало с ее сыном после задержания 17 мая 2000 г. В полученных заявительницей ответах большей частью отрицалась ответственность государства за задержание Руслана Алихаджиева или просто содержалось уведомление о проведении расследования. Выводу Европейского Суда относительно процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции здесь также напрямую применимы (см. выше §§ 67-73).

82. Ввиду изложенного Европейский Суд полагает, что заявительница испытывала и продолжает испытывать страдания и переживания в результате исчезновения ее сына и в результате своей неспособности узнать, что с ним случилось. Способ, которым власти рассматривали жалобы заявительницы, должен рассматриваться как бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3 Конвенции.

83. Поэтому, Европейский Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

84. Заявительницы утверждали, что Руслан Алихаджиев подвергся непризнанному задержанию³ в нарушение принципов, закрепленных статьей 5 Конвенции, в которой сообщается следующее:

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

³ *Unacknowledged detention* (англ.) – фактическое задержание лица (ограничение его свободы), которое отрицается властями и, следовательно, не оформлено документально (*прим. переводчика*).

85. Власти Российской Федерации подчеркнули, что расследование не установило, что Руслан Алихаджиев был в действительности задержан правоохранительными органами. Личность виновных не была установлена.

86. Европейский Суд ранее отмечал основополагающее значение гарантий, закрепленных статьей 5 Конвенции, для обеспечения права лица в демократическом обществе на свободу от произвольного задержания. Европейский Суд также установил, что непризнанное задержание является полным отрицанием этих гарантий и свидетельствует о серьезном нарушении статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чичек против Турции» (*Çiçek v. Turkey*) от 27 февраля 2001 г., жалоба № 25704/94, § 164, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Лулуев и другие против Российской Федерации» (*Luluyev and Others v. Russia*), § 122).

87. Европейский Суд установил, что Руслан Алихаджиев был задержан военнослужащими Российской Федерации 17 мая 2000 г. во время операции по обеспечению безопасности в г. Шали, и после этого его не видели. Факт содержания его под стражей не зафиксирован ни в одном из регистрационных журналов мест содержания под стражей, и отсутствуют официальные данные о его дальнейшем месте нахождения и его судьбе. В соответствии с практикой Европейского Суда этот факт сам по себе должен считаться самым серьезным нарушением, поскольку позволяет лицам, ответственным за лишение человека свободы, скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и избежать ответственности за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие регистрационных записей о содержании под стражей, содержащих такие сведения, как дата, время и место содержания под стражей, имя задержанного, а также причины задержания и имя лица, осуществляющего задержание, должно рассматриваться как несовместимое с требованиями статьи 5 Конвенции (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), § 371).

88. Европейский Суд также полагает, что власти должны были бы проявить больше внимания к необходимости проведения тщательного и незамедлительного расследования по жалобам заявительницы о том, что ее сына задержали и забрали от нее в обстоятельствах, представляющих угрозу жизни Руслана Алихаджиева. Однако приведенные выше выводы Европейского Суда относительно статьи 2 Конвенции и, в частности, относительно проведения расследования не оставляют сомнений, что власти Российской Федерации не предприняли незамедлительных и эффективных мер по обеспечению защиты Руслана Алихаджиева от риска исчезновения.

89. Следовательно, Европейский Суд полагает, что Руслан Алихаджиев подвергся непризнанному задержанию без обеспечения каких-либо гарантий,

содержащихся в статье 5 Конвенции. Это является особо серьезным нарушением права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленную статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ, РАССМОТРЕННОЙ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3 И 5 КОНВЕНЦИИ

90. Заявительница утверждала, что она не располагала эффективными средствами правовой защиты в связи с предполагаемыми нарушениями статей 2, 3 и 5 Конвенции. Она ссылаясь на статью 13 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

91. Власти Российской Федерации не согласились. Они утверждали, что расследование проводилось в соответствии с законодательством Российской Федерации и что заявителнице был предоставлен статус потерпевшей и она могла всеми способами эффективно участвовать в производстве по делу.

92. Европейский Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на внутригосударственном уровне средства правовой защиты, направленного на обеспечение предусмотренных Конвенцией прав и свобод, в какой бы форме они ни были закреплены во внутригосударственном правопорядке. Учитывая основополагающее значение права на защиту жизни, статья 13 Конвенции требует, в дополнение к выплате компенсации (если это уместно), проведения тщательного и эффективного расследования, способного установить и привлечь к ответственности лиц, виновных в лишении жизни и в обращении, противоречащем статье 3 Конвенции, включая эффективный доступ лица, подавшего жалобу, к процедуре расследования, которое способно установить и привлечь к ответственности виновных лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии» (*Anguelova v. Bulgaria*), жалоба № 38361/97, *ECHR* 2002-IV, § 161 – 162, Постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие»⁴ (*Assenov and Others*) от 28 октября 1998 г., *Reports* 1998-VIII, р. 3293, § 117, и Постановление Европейского Суда по делу «Сюхейла Айдын против Турции» (*Süheyla Aydın v. Turkey*) от 24 мая 2005 г., жалоба № 25660/94, § 208). Европейский Суд также повторяет, что обязанности, предусмотренные статьей 13 Конвенции, шире, чем предусмотренные статьей 2 Конвенции обязанности

⁴ Вероятно, имеет место техническая ошибка, и речь идет о деле «Ассенов и другие против Болгарии» (*прим. переводчика*).

договаривающего государства по проведению эффективного расследования (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (Orhan v. Turkey), § 384, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Хашиев и Акаева против Российской Федерации» (Khashiyev and Akayeva v. Russia), § 183).

93. Ввиду изложенных выше выводов Европейского Суда относительно статей 2 и 3 Конвенции, указанные жалобы явно являются «доказуемыми» в целях статьи 13 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (Boyle and Rice v. the United Kingdom) от 27 апреля 1988 г., Series A, № 131, § 52). Следовательно, заявительница должна была бы иметь в своем распоряжении эффективные и применимые на практике средства правовой защиты, способные привести к установлению и наказанию виновных лиц и к присуждению компенсации в целях статьи 13 Конвенции.

94. Следовательно, в обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное дело по факту исчезновения и смерти было неэффективным, а эффективность любого иного средства правовой защиты, которое могло бы быть использовано, включая упомянутые властями Российской Федерации гражданско-правовые средства защиты, была подорвана, государство считается не выполнившим свои обязательства, предусмотренные статьей 13 Конвенции.

95. Таким образом, имело место нарушение статьи 13 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьями 2 и 3 Конвенции.

96. В том что касается ссылки заявительницы на статью 5 Конвенции, Европейский Суд ссылается на свои выводы о нарушении указанного положения, приведенные выше. В свете изложенного Европейский Суд полагает, что не возникает отдельного вопроса о [соблюдении положений] статьи 13 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 5 Конвенции, которая сама по себе содержит ряд процессуальных гарантий, касающихся законности содержания под стражей.

VI. СОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 34 И ПОДПУНКТА «А» ПУНКТА 1 СТАТЬИ 38 КОНВЕНЦИИ

А. Вмешательство в право на подачу жалобы

97. Заявительница утверждала, что непредоставление властями Российской Федерации документов, запрошенных Европейским Судом на стадии коммуникации жалобы, свидетельствовало о невыполнении властями своих обязательств, предусмотренных статьей 34 Конвенции и подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции. Соответствующие положения Конвенции звучат следующим образом:

«Статья 34

Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия, ...».

98. Заявительница призвала Европейский Суд сделать вывод о том, что власти Российской Федерации не выполнили свои обязательства, предусмотренные статьей 38 Конвенции в связи с отказом властей представить материалы уголовного дела по запросу Европейского Суда на стадии коммуникации жалобы. По мнению заявительницы, отреагировав таким образом на запрос Европейского Суда, власти ФР еще раз нарушили обязательства, предусмотренные статьей 34 Конвенции.

99. Власти Российской Федерации представили материалы дела после признания жалобы приемлемой для рассмотрения по существу.

100. Европейский Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальной жалобы, установленной статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы государство обеспечило все необходимые условия для эффективного рассмотрения жалоб (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» (*Tanrıkulu v. Turkey*), жалоба № 23763/94, *ECtHR* 1999–IV, § 70). Это обязательство требует от договаривающегося государства обеспечить Европейскому Суду все необходимые условия, независимо от того, проводит ли Европейский Суд расследование по установлению фактов или он осуществляет свои общие обязанности по рассмотрению жалоб. Непредставление властями государства-ответчика такой информации, которая находится в их распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только привести к выводу об обоснованности жалоб заявителя, но также может негативно сказаться на степени выполнения государством-ответчиком своих обязательств, предусмотренных подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции» (*Timurtaş v. Turkey*), жалоба № 3531/94, *ECtHR* 2000–VI, § 66). ТО же самое применимо и к задержкам в предоставлении информации

властями государства-ответчика, которые препятствуют установлению обстоятельств дела, как до, так и после вынесения решения о приемлемости жалобы (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*), § 171).

101. В соответствии с принципами, закрепленными в его правоприменительной практике, Европейский Суд согласен, что определенные задержки с предоставлением информации, которая является решающей для установления обстоятельств дела, может привести к отдельному установлению нарушения статьи 38 Конвенции. В случае, когда жалоба касается серьезных незаконных действий представителей государственной власти, а также надлежащего характера проведенного расследования, материалы уголовного дела являются основополагающими для установления обстоятельств дела и их отсутствие может помешать Европейскому Суду надлежащим образом рассмотреть жалобу как на стадии приемлемости, так и по существу.

102. В данном деле власти Российской Федерации отказались представить материалы уголовного дела в ответ на коммуникацию жалобы. В декабре 2005 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и повторил вою просьбу. В феврале 2006 г. власти Российской Федерации представили материалы дела (см. выше § 30).

103. Европейский Суд, для начала, отмечает, что в ряде случаев он уже установил, что положения статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, на которые власти Российской Федерации изначально ссылались, не препятствуют разглашению содержания материалов уголовного дела, рассмотрение которого еще не завершено, а, скорее, устанавливают ограничения для такого разглашения (см. аналогичные выводы в Постановлении Европейского Суда по делу «Михеев против Российской Федерации» (*Mikheyev v. Russia*) от 26 января 2006 г., жалоба № 77617/01, § 104).

104. Относительно статьи 38 Конвенции Европейский Суд повторяет, что она применима к жалобам, признанным приемлемыми для рассмотрения по существу. Принимая во внимание выполнение властями Российской Федерации просьбы Европейского Суда после вынесения решения о приемлемости жалобы, Европейский Суд не может прийти к выводу, что задержка с предоставлением сведений воспрепятствовала установлению обстоятельств дела или иным образом помешала надлежащему рассмотрению дела. При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что отсутствовало нарушение статьи 38 Конвенции относительно срока представления запрошенных Европейским Судом материалов.

105. Основной целью статьи 34 Конвенции является обеспечение эффективного осуществления права на подачу жалобы. В данном деле ничто не указывает на то, что имело место какое-либо вмешательство в право заявительницы на подачу

индивидуальной жалобы как путем вмешательства в ее переписку с Европейским Судом или с представителем ее интересов в конвенционных органах, так и путем оказания прямого давления на заявительницу. Европейский Суд полагает, что задержка с предоставлением запрошенного полного пакета материалов не свидетельствует о возникновении отдельного вопроса о возможном нарушении статьи 34 Конвенции.

106. Таким образом, Европейский Суд полагает, что власти ФР выполнили свои обязательства, предусмотренные статьей 34 Конвенции и подпунктом «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

107. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

108. Заявительница не представила требований компенсации материального ущерба.

109. Заявительница требовала 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда за исчезновение Руслана Алихаджиева. Она также требовала от властей Российской Федерации провести эффективное расследование обстоятельств исчезновения.

110. Власти Российской Федерации полагали заявленные требования чрезмерными.

111. Европейский Суд отмечает, что в связи с исчезновением Руслана Алихаджиева он установил ряд нарушений статей 2, 5 и 13 Конвенции. Заявительница признана жертвой нарушения статьи 3 Конвенции. Европейский Суд согласен, что заявительнице причинен моральный вред, который не может быть устранен одним фактом установления нарушения. При таких обстоятельствах и действуя на основании принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявительнице 40 000 евро плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы.

Судебные расходы и издержки

112. Интересы заявительницы представляли юристы неправительственной правозащитной организации «Европейский центр по защите прав человека –

Мемориал» (NGO EHRAC/Memorial Human Rights Centre). Заявительница утверждала, что ее представители понесли следующие расходы:

а) 500 евро за 20 часов исследовательских работ в Чечне и Ингушетии при стоимости одного часа работы в размере 25 евро;

б) 400 евро в качестве компенсации расходов на проезд для лиц, работавших «в поле»;

с) 2 250 евро за 45 часов работы юристов в г. Москве по составлению юридических документов, представляемых в Европейский Суд и во власти Российской Федерации, при стоимости одного часа работы в размере 50 евро;

д) 1 000 фунтов стерлингов за 10 часов юридической работы адвоката из Соединенного Королевства при стоимости одного часа работы в размере 100 фунтов стерлингов.

113. Власти Российской Федерации оспорили разумность и обоснованность требуемых сумм. Они также возражали против требования представителей заявительницы о переводе суммы компенсации судебных расходов непосредственно на их банковский счет.

114. Европейский Суд должен, сначала, установить, были ли расходы и издержки понесены заявительницей в действительности и, во-вторых, были ли они необходимыми (см. Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр и другие против Соединенного Королевства» (McCann and Others v. the United Kingdom) от 27 сентября 1995 г., Series A no. 324, p. 63, § 220).

115. Европейский Суд отмечает, что с самого начала рассмотрения жалобы интересы заявительницы представляли юристы неправительственной правозащитной организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (NGO EHRAC/Memorial Human Rights Centre). Европейский Суд убежден, что приведенные выше ставки стоимости работ являются разумными и отражают расходы, действительно понесенные представителями заявительницы.

116. Кроме того, следует установить, были ли расходы, понесенные заявительницей на представительство ее интересов, необходимыми. Европейский Суд отмечает, что дело было довольно сложным, включало в себя исследование большого количества фактических и письменных доказательств, включая материалы уголовного дела, и требовало проведения большой исследовательской работы и подготовки. Европейский Суд также отмечает, что он практикует присуждение компенсации судебных расходов и издержек с дальнейшей выплатой непосредственно на счет представителей заявителя (см., например, Постановление Европейского Суда по делу по делу «Тойджу против Турции» (Toğcu v. Turkey) от 31 мая 2005 г., жалоба № 27601/95, § 158, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria),

жалобы № 43577/98 и 43579/98, *ECHR* 2005-VII, § 175, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации» (*Imakayeva v. Russia*).

117. При таких обстоятельствах и принимая во внимание детали требований заявительницы, Европейский Суд присуждает следующие суммы по данному пункту: 3 150 евро и 1 000 фунтов стерлингов, исключая любой налог на добавленную стоимость, который может быть взыскан с этих сумм, подлежащие в сумме переводу в фунты стерлингов и направлению на счет представителей заявительницы в Соединенном Королевстве, указанный заявительницей.

118. Европейский Суд счел уместным, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

- 1) *отклонил* предварительные возражения властей Российской Федерации;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении исчезновения Руслана Алихаджиева;
- 3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения Руслана Алихаджиева;
- 4) *постановил*, что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в отношении [предполагаемого] отсутствия защиты сына заявительницы от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения;
- 5) *постановил*, что не возникает отдельного вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции в связи с расследованием жалоб на жестокое обращение;
- 6) *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы;
- 7) *постановил*, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Руслана Алихаджиева;
- 8) *постановил*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении предполагаемых нарушений статей 2 и 3 Конвенции;
- 9) *постановил*, что не возникает отдельного вопроса в рамках статьи 13 Конвенции в связи с предполагаемым нарушением статьи 5 Конвенции;
- 10) *постановил*, что отсутствовало нарушение подпункта «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции;
- 11) *постановил*, что отсутствует необходимость в отдельном рассмотрении жалобы заявительницы на нарушение статьи 34 Конвенции;

12) *постановил*:

(а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы:

(i) 40 000 (сорок тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты;

(ii) 3 150 (три тысячи сто пятьдесят) евро и 1 000 (одна тысяча) фунтов стерлингов в качестве компенсации судебных расходов и издержек, подлежащие в сумме переводу в фунты стерлингов по курсу на день выплаты и направлению на счет представителей заявительницы в Соединенном Королевстве;

(iii) любые налоги, которые могут быть взысканы с этих сумм;

(b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляется простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

13) *отклонил* оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 5 июля 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Христос РОЗАКИС
Председатель Палаты Суда